

В сборнике «В. Н. Домогацкий», сост. и вступ. ст. С. П. Домогацкой (М.: Советский художник, 1984) — публикуются биографические и теоретические материалы известного советского мастера-ваятеля (1876—1939), его труды по теории, истории культуры и каталог его произведений.

У ДВЕРИ с медной табличкой «В. Н. Домогацкий» перевел дыхание и — будь что будет! — нажал кнопку звонка.

Мне открыл дверь сам Владимир Николаевич. Роста он был высокого, немного сутул, но по-юношески худощав. Тонкие черты продолговатого лица, прямой нос, усы с про-

свое время, загруженное многочисленными делами. Впоследствии он бывал в моей скромной мастерской на Петровке, будучи пожилым человеком, поднимался не раз на четвертый этаж ко мне, ничем не приметному, начинающему скульптору.

В ту пору к В. Н. Домогацкому уже пришла боль-

Гурий ОКСКИЙ

В А Я Т Е Л Ь

седью, широкий лоб и немного грустные, иногда зажигающиеся смешинкой глаза.

Владимир Николаевич пропустил меня в переднюю.

— Идемте!

Я двинулся вслед за ним по просторному коридору, и мы вошли в небольшую мастерскую, примыкавшую к квартире.

В безмолвном сумраке будто стыннут скульптуры — фигуры людей, бюсты; их причудливые очертания колеблются от света единственной сейчас лампы, освещающей два широких мягких кресла и небольшой столик с женским нежным торсом да стопкой книг.

Мы сели. Владимир Николаевич в тени, зато я хорошо освещен, и чувствую, как внимательно, словно изучая, ощупывает он взглядом мое лицо.

Непослушными от волнения пальцами я развязал, наконец, бечевку и стал вынимать вещицы из пластилина, лежавшие в коробке. Какими жалкими показались они мне, когда на них смотрел сам Домогацкий!

Владимир Николаевич сперва успокоил меня:

— Да вы не волнуйтесь. Я понимаю ваше состояние...

И продолжал:

— Я начну издалека. Видите ли, ремесло скульптора требует многих и многих лет настойчивого, целеустремленного труда. Если вы готовы к этому, что ж, работайте...

Я встал тихо:

— А у меня есть... способности?

Домогацкий улыбнулся, пригладил усы:

— Одних способностей мало! Вначале я советую вам...

И Владимир Николаевич очень подробно рассказал мне, какими должны быть мои первые шаги.

С этого дня, в течение целых трех лет, я пользовался советами Владимира Николаевича. С редким терпением он занимался со мной, беседовал часами, отдавая мне

свое время, настоящая слава. Он получил звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Его разрывали на части государственные заказы, разные комиссии, консультации, творческие встречи. И тем не менее он находил время посещать мастерские молодых скульпторов, раскиданные по всей Москве!

Преданность большому искусству ваятеля вкладывал в наши души Владимир Николаевич. Он прежде всего стремился в своих беседах со мной и другими молодыми скульпторами внушить нам уважение, любовь к натуре, к тому, что мы видим, что нас окружает, — к многогранной, разносторонней жизни нашей... Он говорил, что мы должны все видеть по-своему, но воспринимать это видимое правдиво, жизненно, искренне, не идя ни на какие «выкрутасы».

— Больше лепите с натуры, — убеждал нас Владимир Николаевич, — умеете ее понять, раскрыть своим внутренним чутьем скульптора.

И добавлял убежденно:

— Увидите, как у вас весело пойдет дело, если вы полюбите то, что лепите! Вглядывайтесь сперва в общее, а потом в детали, а затем вновь охватывайте взглядом все вместе! Натура и только натура — по-своему понятая, но правдивая! Даже когда лепите по памяти, не фантазируйте, а воссоздавайте то, что запечатлелось в вашей памяти, как прекрасное, вас волнующее...

И добавлял проникновенно, с убедительной мягкостью в голосе и неизменным расположением к своему собеседнику:

— Друг мой, воспитывайте в себе вкус, это так важно для вашего труда скульптора! Техника — дело наживное, а вот вкус — ваше кредо, ваша совесть художника...

Непримиримо, гневно-осуждающе относился Владимир Николаевич к различным

фокусам, чудачествам, а то и прямому шарлатанству так называемых «левых» скульпторов.

Часто вспоминал Владимир Николаевич время, прожитое в Париже, посещения Салона, мастерских художников. Молодой скульптор был далек от безоговорочного восхищения всем заграничным, что было свойственно многим художникам в годы после поражения первой русской революции. Вспоминая прожитое, передуманное, он говорил:

— У нас, старых художников, было выражение «французистость». Очень прилипчива... Необходимо и многим современным скульпторам мужественно бороться с ней: хорошим вкусом, умением увидеть людей, вещи, природу глазами художника-реалиста.

Он призывал нас, молодых скульпторов:

— Бойтесь ложной красоты, мещанского «изящества»! Выработывайте требовательность к самому себе, непримиримость к ошибкам. Никогда не говорите, что это, мол, «сойдет». Все плохое, что есть в вас — лень, снисхождение к собственным промахам, — обязательно «вылезет» в вашей работе, будет заметно для опытного глаза. Да, одинаково страшны для настоящего искусства и «омещивание» его, и всевозможные выкрутасы, стремление к дешевому успеху, эффекту.

На всю жизнь запомнились советы, которые давал мне Владимир Николаевич, бывая в моей скромной мастерской на Петровке:

— Всегда, всегда идите в скульптуре от общего к частному! Это, кажется, так просто, так общепринято, но, к сожалению, многими забывается. Нередко замечаешь у молодежи, что не добился человек целого, не создал еще всей фигуры, позы, движения, а уже увлекся мелочами: ноздри отделяет, волосок к волоску кладет, ногти полирует...